

Затем, для каждой группы был посчитан обобщенный усредненный показатель расхождения «Ценность» и «Доступность». Чем выше значение этого показателя в баллах тем более дефицитна ценность, поскольку соответствующая потребность не удовлетворена или фрустрирована. Это и является содержательной стороной внутриличностного конфликта (ВК).

В группе 1 – значение показателя выше условного порога оказалось у пяти испытуемых. Содержательной стороной ВК выступает неудовлетворенность неудовольствие в удовлетворении, извлечении, аккумуляции и расходовании жизненной энергии, равновесии в преобразовании жизненной энергии, ее внутренний баланс, внутренней связи, внутренней причинности, чувотвенности.

В группе 2 – значение показателя выше условного порога оказалось у одного испытуемого. Содержательной стороной ВК выступает неудовлетворенность неудовольствие в удовлетворении расходовании накопленной жизненной энергии, в любых изменениях и различиях во внешнем мире (движении, действиях, агрессии, защите, внешних связях).

В группе 3 – значение показателя выше условного порога оказалось у одного испытуемого. Содержательной стороной конфликта выступает неудовлетворенность неудовольствие в удовлетворении поиском информации, самоотдачей, поиском гармонии, поиском внешних и внутренних причин успеха, неудач.

В группе 4 – значение показателя выше условного порога оказалось у шести испытуемых. Содержательной стороной конфликта выступает неудовлетворенность неудовольствие в удовлетворении адаптированностью, объект – объектным равновесием, балансом внутренних и внешних причин собственной активности, собственной активизацией, адекватным сдерживанием.

Выводы. На основе проведенного анализа и интерпретации результатов эмпирического исследования были сформулированы следующие выводы.

1. Система жизненных ценностей является одним из ключевых факторов, оказывающих влияние на уровень дезинтеграции в мотивационно личностной сфере летного состава.

2. Испытуемые ЦС типа имеют более высокий уровень дезинтеграции в мотивационно личностной сфере, нежели другие типы.

3. Уровень дезинтеграции в мотивационно личностной сфере членов летного экипажа выше среднего значения может оказать негативное влияние на качество выполнения полета и предполетной подготовки.

4. При комплектовании состава экипажа, необходимо учитывать уровень дезинтеграции в мотивационно личностной сфере.

Результаты исследования применимы в системе летной экспертизы, психологического отбора в авиацию, позволят производить дифференцированную диагностику индивидуального своеобразия личности летного состава, при формировании ПВК.

Список литературы: 1. Махарам Р. Типы людей. Взгляд из XXI века. – СПб.: Питер, 2006. – 224 с. 2. Фанталова Е.Б. Диагностика и психотерапия внутреннего конфликта. – Самара: Издательский дом БАХРАХ-М, 2001. – 128 с.

*Чубова В.Е.
г. Харьков, Украина*

**ПОНЯТИЕ ДОРОГИ В КОНТЕКСТЕ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
(НА МАТЕРИАЛАХ СЛОВАРЯ И.И. СРЕЗНЕВСКОГО И ПОЛЕВОГО СБОРА)**

Выдающийся филолог, сформировавшийся и работавший первую половину жизни в Харьковском университете, Измаил Иванович Срезневский заложил основы комплексного исследования славянских языков в сопряжении с их культурой и историей. Особую ценность имеют «Материалы для словаря древнерусского языка», подготовленные учёным уже в петербургский период. В этом фундаментальном словаре отразились не просто слова и фрагменты из древнерусских памятников письменности, но и план содержания, включающий собственно языковую семантику и широкий культурный фон, связанный как с христианством, так и с древними славянскими представлениями и верованиями.

Сопоставление данных словаря древнерусского языка, составленного И.И. Срезневским, с диалектными данными русских говоров, результатами этнолингвистических экспедиций, в частности, по Слобожанщине, позволяет выявить неочевидные связи в древней и современной культуре и языковой картине мира. Одним из центральных концептов древней славянской языковой и мифологической картины мира является концепт *ПУТЬ*. Поэтому представляется важным обратиться к рассмотрению семантической структуры слова *путь* в древнерусском языке по данным словаря И.И. Срезневского и в диалектологических, и в этнолингвистических материалах.

В марте – апреле 2010 г. были собраны сведения о культурных коннотациях и верованиях, связанных с дорогой и её частями, на основе этнолингвистической программы, разработанной нами с использованием этнографической литературы. Эти сведения частично отражены в наших публикациях (Чубова В.Е., «Страшные участки пути и их осмысление в русских диалектах Слобожанщины», 2011 г.; Чубова В.Е., «Фольклорные материалы как источник этнолингвистического изучения концептосферы *Дорога* на материале русских говоров Слобожанщины», 2011 г.; Чубова В.Е., «*Путь* в русской диалектной картине мира (на материале русских говоров Харьковщины)», 2011 г.). В данной работе представим часть сведений, которые соотносятся с материалами словаря И.И. Срезневского.

В «Материалах для словаря древнерусского языка» И.И. Срезневский фиксирует шесть метафорических значений лексемы *путь*: 1) направление, путь (с пометой «в различных выражениях»). *Истиньши сии пути Божии в истини учииши* (τ ην οδοσ). (*Евангелие от Матвея. XXII. 16. Остромирово евангелие*). *Не ходим в путь книжьчийск фарисейск. Ис. LXV. 18 толк. (Утыр. 154)*. *Дѣвама бо сущема путьма в житии, о сих диному съмьренъншию житию женитвьномуу глау, друоугоумоу же анльскоумоу и пръвеликому дѣвства* (δво γαρ ουσων). *Ефр. крм. л. 214. Обративый гръншика в заблужденыя пути его спть дишо в смрти и покрыеть множьство гръховъ. (Слово о законе и благодати митрополита Илариона. Сборник 1414 г. 74)*. *Тъм бо путе шли дѣди (въ подл. дѣти) вци наши. Пис. Влад. Мон. 1096 г. Наставляйте ихъ (братию) к поутемъ спасенымъ. Грам. митр. Кипр. иг. Серг. теод. 1378 г.*; 2) время, бытие. Во фразеологизме *и ть имети* – длиться, быть: *Мца ноул во і день..., соуботь же имуци путь, заложси стену камениу. (Ипатьевская летопись 6707 г)*; 3) обычай, правило: *А что попы и дияконы их един хлеб ядят и во едином дому живут, кого брат или сын, и тем по тому ж пути наше жалованье. Ярл. Узб. 1315 г. Как бы то было преже нас, так молвя и наше слово ставило по первому пути. т.ж. А митрополит правым путмъ ходит, да правым путем пребывает и тешился. т.ж.*; 4) обстоятельство: *Буди со мною в всяком пути и не остави мене, Ги Исе Хе. Нест. Бор. Гл. 14.*; 5) повод, причина: *Приходиша Крымскіе Татарове...; и, пришед на великого князя украину около города Тулы, без пути начаша воевати. Соф. вр. 7025 г. (т. II. 303) [17: 3, 1739]*. Примечательно, что, перечисляя метафорические значения слова *путь*, И.И. Срезневский выводит значение *истинности, правильности выбора* на первый план, что наводит на мысль о сакральности, божественном

предназначении, жизненной весомости *пути* в древнерусской культурно-концептуальной картине мира. И тогда становится понятным происхождение остальных пяти значений. Именно сакральная нагруженность пути даёт такие значения, как *бытие и время; обычай, правило; обстоятельство; повод, причина*. Значение *моральности, истинности выбора* сохранилось в современных русских диалектах на материковой зоне, в основном в составе фразеологизмов и в производных от *путь* (в костромских диалектах: *по плохой пути пойти* – вести беспечную, разгульную, бесшабашную жизнь; *сбиться с правильной пути*; в воронежских диалектах: *на путь находить* – исправляться [15: 33, 154]; *путный, путящий* [12: 3, 543], в архангельских, олонечских, новгородских и пермских диалектах: *путный* [15, там же] – порядочный, обладающий положительными качествами; *беспутный* – непорядочный, безнравственный, ненадёжный [12, там же]), а также в литературном русском языке: *направить* или *наставить (обратить)* кого-либо *на путь истины, пойти по ложному пути* [16: 657]. В литературном языке отобразилось и древнее отождествление *пути* с человеческой жизнью, в выражении *жизненный путь* [16, там же]. В исследованных нами русских сёлах Харьковщины Нововодолажского района Староверовка-1 и Охочее понимания *пути* как нравственного выбора нами не обнаружено. В остальных пяти метафорических значениях, представленных И.И. Срезневским, слово *путь* в лексике жителей данных сёл также не употребляется. Осмысление *пути, дороги* как течения времени сохранилось в русских диалектах в выражении *всю дорогу* [12: 1, 473; 13: 1, 199]. *Путь* в значении «причина» бытует в курских говорах: *чего ты без путя оскалешься?* [15: 33, 158–159].

А.Г. Преображенский отмечает, что слово *путь* восходит к санскритскому *panthas* «след, дорога, путь», а также к *pathyas* «спасительный, выгодный» [см.: 14: 876]. Это наталкивает на мысль, что, возможно, *путь* в значении *выгоды* и, кроме того, *жизненного выбора, моральности* (ведь в этом значении заложены христианские представления о *спасении души, нравственном спасении*) восходит ещё к древнеиндийской культуре. Известно, что в Ригведе номинация *path-* передаёт главным образом представление об «истинном» (праведном) ПУТИ, который ведёт к Богам и по которому следуют Боги (теснее всего с *path-* связаны боги Адитьи, охранявшие Вселенский закон; ср. эпитет богов *pathi-kri* – создающий пути), а также жизненном *пути* смертных. [см.: 1, 803; 2, 222]. Напрашивается вывод, что известный ещё древнеславянской реальности фразеологизм *пути Божию*, такие выражения, как *наставить (направить) на путь истинный, сбиться (собраться) с пути истинного, путь правды*, такое значение слова *путь*, как «вся человеческая жизнь» (в выражении *жизненный путь*) восходит ещё к этим, древним, представлениям о ПУТИ, в родственной связи внутренней формы лексемы *путь* с санскритским корнем *path-*, имеющим глубокий сакральный смысл. Русское слово *путь* А.Г. Преображенский и М. Фасмер, кроме того, соотносят с зендским (древнеперсидским) *pana* – спасительный, выгодный (на зендском языке, как известно, написаны священные тексты Авесты) [см.: Преображенский там же; Фасмер 2004, 3, 413]. С точки зрения М.М. Маковского, *путь* в мифологической модели мира означает *прохождение души умершего пути в загробный мир* [4, 274], то есть прямо ассоциируется со смертью, с переходом в запредельность. Данного значения лексемы *путь* нет в «Материалах для словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского, но указанные в них сведения о таких участках *пути*, как перекрёстки, наталкивают на мысль о некоторой связи последних в мировидении наших предков с иным измерением. В древнерусском языке мы находим слово *распутие* в трёх значениях, из которых первичное (и значит, основное) «перекрёсток, площадь». И.И. Срезневский приводит цитаты из «Остромирова Евангелия» и «Повести временных лет»: *Любѣть на съборищахъ, и въ стѣгнахъ, и на распутіихъ*

стаще, молитися... <...> (Матвей VI, 5. Остромирово Евангелие); Полагахоу мрътвеця и сжигаху, и по семь собравше кости, въкладаху въ соу и поставляхоу на распутии на стлѣи (Повесть временных лет) [17]. Напрашивается вывод, что в древнерусской языковой картине мира перекрёсток, выступает как место, на котором желательно молиться (следовательно, опасное место или место особой важности в сознании древних), а также как место захоронения останков после сожжения (что, на наш взгляд, свидетельствует о том, что, в представлениях наших предков эта точка ПУТИ была связана со смертью). Возможно, народный обычай хоронить самоубийц и людей, умерших неестественной смертью, каким-то образом связан с традициями той эпохи? Слово *распутье* в значении «перекрёсток» в речи жителей исследованных нами сёл если и встречается, то крайне мало употребительно. Однако в сознании как жителей с. Староверовка-1, так и охочан, сохранилось отмеченное И.И. Срезневским древнее представление о перекрёстках как о местах особенных, характеризующихся наиболее сильной концентрацией негативной энергии и, как следствие, опасных для жизни. Это места обитания inferнальных сил (в с. Староверовка-1 распространено предание о ведьме, которая ночью бродит по дорогам и чаще всего бывает на перекрёстке, в связи с чем на данный перекрёсток строжайше запрещено наступать, иначе можно стать добычей ведьмы [см.: Чубова 2011-а, 268–274]). Именно здесь занимаются чёрной магией (Староверовка-1), а магия, по евоей сути, является контактом с миром запредельным. Здесь избавляются от болезней, порчи, заговорённых предметов (Староверовка-1, Охочее). Бытующий в с. Охо-чее обычай знакомиться, искать свою пару именно на перекрёстке, на наш взгляд, является отголоском мифологического мышления, веры древнего человека в то, что силы, обитающие на этом перекрёстке, могут проявить благосклонность и помочь устроить свою судьбу, послать девушку, подходящую для создания семьи [см.: Чубова, там же]. В указанном поверье отражена значимость перекрёстка в архаическом осмыслении, понимание его как части мира потустороннего. Мы не находим в традиции исследованных нами сёл использования перекрёстков для погребения «нечистых покойников», но в народной традиции материковой зоны Т.Б. Щепанская фиксирует обычай хоронить выкидыши и некрещеных младенцев именно на перекрёстке [см.: 8]. О том, что до революции на Руси было принято предавать земле самоубийц и некрещеных на пересечении дорог отмечено в словаре В.И. Даля [см.: 12, 3, 61]. Исследования Е.Е. Левкиевской показали, что восприятие перекрёстка как места обитания различных демонических существ низшей иерархии, как зоны небытия, является не только общерусским, но и общеславянским [см.: 3], что свидетельствует о глубокой древности такого понимания этой части дороги. Данный вывод подтверждается исследованиями В.Н. Топорова, из которых явствует, что в архаической картине мира (не только общеславянской, но и индоевропейской) точки пересечения дорог являются «орудийным выражением неопределённости» [6, 80] и обязательно сулят опасность [см.: 6; 5, 352]. Таким образом, в первобытном мировоззрении перекрёстки трактовались как выходы в иное измерение, где могут не действовать или иначе действовать физические законы, останавливаться или смещаться время, происходить события, не подвластные человеческому пониманию.

Составленный И.И. Срезневским словарь особо ценен тем, что даёт возможность ознакомиться с языком и культурой наших предков, создать некоторые представления о древнерусской модели мира. Сопоставление сведений о языковой и культурно-концептуальной картине мира жителей Харьковщины, полученных в результате наших исследований, со сведениями, предоставленными И.И. Срезневским (и, следовательно, насколько возможно, сопоставление двух эпох: древней русской и современной народной) по-

зволяет выявить реликт архаического мировоззрения. Многие из того, что учёные реконструируют в праиндоевропейском периоде в значительной мере сохраняется в современных говорах и в современных культурах. Благодаря Словарю И.И. Срезневского, мы можем выстроить сквозную линию от праиндоевропейского состояния через древнерусский этап до современного русского народного языка и культуры.

Список литературы: 1. Бабаева Е.Э. Формирование семантической структуры слова *простой* в русском языке // Языковая картина мира и системная лексикография / Отв. редактор Ю.Д. Апресян – М.: Языки славянских культур, 2006. – С. 798–805. 2. Иванов Вяч. Вс. Заметки о типологическом и сравнительно-историческом исследовании римской и индоевропейской мифологии // Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. 5: Мифология и фольклор / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. Ин-т теории и истории мировой культуры. – М.: Знак, 2009. – 376 с. – (язык, семиотика, культура). 3. Левкиевская Е.Е. Дорога // Славянские древности. Этнолингвистический словарь в 5-ти томах под общей редакцией Н.И. Толстого. – Т. 2. – М.: Международные отношения, 1999. – С. 124–129. 4. Маковский М.М. Путь // Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. Образ мира и миры образов. – Магадан, 2008. – 416 с. – С. 274. 5. Топоров В.Н. Пространство // Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х томах / под ред. С.А. Токарева – М.: Советская энциклопедия, 1992. – Т. 2. – С. 340–342. 6. Топоров В.Н. Пространство и текст // Топоров В.Н. Исследования по этимологии и семантике. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – Т. 2. – С. 352–353. 7. Топоров В.Н. Путь // Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х томах / под ред. С.А. Токарева. – М.: Советская энциклопедия, 1992. – Т. 2. – С. 352–353. 8. Щепанская Т.Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв. – М.: Индрик, 2003. – 528 с. 9. Чубова В.Е. Страшные участки пути и их осмысление в русских диалектах Слободжанщины // Культурна спадщина Слободжанщини. Культура, мистецтво, філософія, охорона пам'яток. Збірка науково-популярних статей. – Х.: Курсор, 2011. – Випуск 24. – 329 с., 49 іл., С. 268–274. 10. Чубова В.Е. Фольклорные материалы как источник этнолингвистического изучения концептосферы ДОРОГА (на материале русских говоров Слободжанщины) // Пам'ятокознавчі погляди молодих вчених ХХІ ст. Збірка наукових статей з пам'яткоохоронної роботи. – Харків: Курсор, 2011. – Випуск 2. – 340 с., 88 іл., С. 278–287. 11. Чубова В.Е. Путь в русской диалектной картине мира (на материале русских говоров Харьковщины) // Русский язык за пределами России: лингвистические и социально-педагогические аспекты преподавания и изучения в Украине и других странах. Материалы VI Международной научно-практической конференции. – Харьков, 2011. – Випуск 6. – С. 390–391. *Словари:* 12. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. – М.: Рус. яз. – Медиа. – 2003, Т. 1, Т. 3. 13. Полный словарь сибирского говора / глав. ред. О.И. Блинова – Томск: Издательство Томского университета, 1991. – Т. 1. 14. Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка. – М.: 1979, Т. 2. 15. Словарь русских народных говоров. – Санкт-Петербург: Наука, 1999. – вып. 33. 16. Современный толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. – М.: Ридерз Дайджест, 2004. 17. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачёва. – 4-е изд., стер. – М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2004. – Т. 3. 18. Резнвский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. – Санкт-Петербург: Типография императорской Академии Наук, 1983, Т. 1–3.